

Дунай (7)

Во стольном во городи во Киеве
У ласкова князя у Владимира
Заводилось пировань[и]цо, почесьён пир,
Про многих князей да многих бояров,
Про рускиех могучиех боғатырей
А про тех поленицей приудалые.
А да все на пиру да напивалисе,
Ишше все на чесном да наедалисе.
Ишше все на пиру да пьяны-весёлы;
Ишше все на пиру да приросхвастались:
Боғатой-от хвастат золотой казной,
А сильной-от хвастат своей силою,
А да наезницёк хвастаёт добрым конём,
Добрынюшка хвастаёт вострым копьём,
Да вострым-де копьём да своей сметочкой.
Один-де князь не пьёт, не ест, не кушаёт,
Своей белой лебёдоньки не рушаёт —
По белоё горницы похаживат,
Сапог о сапог да покалачиват,
Златыма-де перснями да принашшалкиват,
Ишше сам говорит да таково слово:
«Уж вы ой еси-й, удалы добры молоццы,
Вы все-де князья да князья-бояра,
Вы все сильныя-могучия богатыри,
Вы все злыя поленицы при(й)удалыя,
Вы все-де купцы-гости торговыя,
Вы все-де кресьянушка прожитосьны!
Ишше все у нас в городи поженёны,
Ишше красныя девушки взамуж выданы —
А да един-де я, молодец, холост хожу,
Я холост-де хожу да нежонат славу.
Вы не знаете ле мне да боғосужоной,
Да котора бы станом статна, полновозростна,
Походоцька у ей да была бы — павиная,
Тиха рець у ей — да лебединая,

Очи ясны-й у ей — как й-у ясного сокола,
Брови черны-й у ей — как у черново соболя?»
А да старшой хороницсэ за среднёво,
А да средней хороницсэ за младшово,
Ото младшово — Владимиру ответу нет.
А-й з-за того из-за стола из-за окольново,
Со того-де со места да богатырсково,
Со того-де со стула со дубовово
Выставал-де-й удалой да доброй молодець,
По имени Добрынюшка Микитиць млад,
Ишше говорыл да таково слово:
«Уж ты ой еси, Владимир стольно-киевской!
Ты позволь-де ведь мне да слово вымолвить —
Не казнить-де за то меня, не вешати,
Не ссылать-де во сылочку во дальнюю!»
Говорыл-де Владимир стольне-киевский:
«Уж ты ой еси, Добрынюшка Никитиць млад!
Говоры-тко, Добрынюшка, што тебе надобно».
Говорыл-де Добрынюшка таково слово:
«Ишше есь у тя во далечом чистом поли,
Ишше есь у тя во полюшки три поґреба:
Да един-от погрёб — дваццати локот,
А второй-от погрёб — триццати локот,
Да третей-от-де погрёб — сорока локот —
Там сидит-де-й удалой да доброй молодець,
По имени Дунай да сын Иванович.
Ишше много Дунаюшко земель прошол,
Ишше многим-де Дунаюшко царям служил,
А да царям-де он служил да он царевицям,
Королям он служил да королевицям —
Ишше знаёт ён вам да боґосужону,
Да котора бы станом статна, полновозросна,
Походочка-й у ей была бы — павиная,
Тиха рець й-у ей — да лебединая,
Очи ясны-й у ей — как у ясново сокола,
Брови черны-й у ей — как у черново соболя!..»
Говорыл-де Владимир стольно-киевской:
Уж вы ой еси, ключнички-замочнички!
Вы подите-тко, ключнички, во чисто полё,

Отмыкайте-тко, ключники, глубок погрёб,
Да которой-от погрёб сорока локот,
Выпушшайте Дунаюшка Ивановича,
Зовите-тко Дунаюшка на почесьён пир!»
Ише ключники на то да не-й ослушались —
Пошли-де ведь ключники во чисто полё,
Отмыкали-де ключники глубок погрёб,
Да которой-от погрёб сорока локот,
Ишше сами говорили таково слово:
«Уж ты ой еси-й, удалой доброй молодець,
По имени Дунай да сын Иванович!
Ты ставай-ко-се, Дунаюш[к]о, на резвы ноги:
Ишше Бох тибя, Дунаюш[к]о, повыкупил,
Государь тибя, Дунаюш[к]о, повыруцил,
Да Добрынюшка Дунаюш[к]а на свет спустил,
На свет спустил — Дунаюш[к]а повыруцил.
Поди-тко, Дунаюш[к]о, на поцесьён пир
Ко тому-де ко князю да ко Владимиру
Хлеба-соли-де исть да перевары пить!»
Как ставал-де Дунаюшко на резвы ноги,
Да выскакивал Дунаюшко вон из погрёба
Да повыше-де лесу да он стоячево,
Пониже-де облака ходячево.
Становилсэ-де Дунаюшко на сыру землю,
Пошол-де ко князю да ко Владимиру.
Заходит Дунаюшко на красно крыльцё —
Ступешек до ступешка да догибаицсэ.
Пошол-де Дунаюшко по новым сеням —
Ишше новы-ти сени да помитусились.
Заходил-де Дунаюшко во светлу грьдню
Ко тому-де ко князю да ко Владимиру —
Ишше крест-от кладёт да по-писаному,
Поклон-от ведёт да по-учоному,
На все стороны чотыре поклоняицсэ,
Ишше князю Владимиру цэлом он бьёт,
Цэлом-де бьёт да низко кланялсэ.
Говорыл-де Владимир стольно-киевский:
«Ишше Бох тибя, Дунаюшко, повыкупил,
Государь тибя, Дунаюшко, повыручил,

Добрынюшка Дунаюшка на свет спустил
Да на свет спустил — Дунаюшка повыручил.
А да садись-ко, Дунаюшко, на почесьён пир,
Да садись-ко, Дунаюшко, за дубовой стол
Пониже Добрынюшки Никитича,
Повыше Олешеньки Поповича!
Ишше много ты, Дунаюшко, земель прошол,
Ишше многим ты, Дунаюшко, царям служил,
Царям ты служил да ты царицам,
Королям ты служил да коро[ле]вичам, —
А не знаёшь ле ты мне да боґосужоной,
Да котора бы станом статна, повозросна,
Походочка-й у ей была бы — павиная,
Тиха рець й-у ей — да лебединая,
Очи ясны-й у ей — как й-у ясново сокола,
Брови черны-й у ей — как у черново соболя?»
Говорыл-де Дунай да сын Ивановиць:
«Уж ты ой еси, Владимир стольно-киевский!
Накорми-тко-се наперво тепере досыта,
Да напой-ко-се меня да ты всё допьяна —
Тогда я тебе буду посказывать,
Моги только, Владимир, тогда послушивать!»
Наливал-де Владимир царю зелена вина,
А да не малу, не велику — полтара ведра,
Ишше турей-де рог да мёду сладково;
Подавал-де Дунаюшку Ивановичу.
Принимает Дунаюшко единой рукой,
Выпивает Дунаюшко единым духом
Ишше турей-де рог да мёду сладково.
Наливал-де Владимир во второй након,
Подавал-де Дунаюшку Ивановичу.
Принимает Дунаюшко единой рукой,
Выпивает Дунаюшко единым духом.
Наливал-де Владимир во третей након,
Подавал-де Дунаюш[к]у Ивановичу.
Принимал-де Дунаюш[к]о третью чарочку,
Выпивал-де Дунаюшко единым духом.
Он первую чару выпил — для здоровьица,
А втору чару выпил — для весельица,

А третью чару выпил — для похмельица.
Начал-де Дунаюшко поспазывать:
«Да моги только, Владимир, ты послушивать.
Я служил у короля да ляховинцкого,
Я служил у короля ровно двенадцать лет:
Ишше тры года служил да в портомойницках,
Ишше тры года служил да в подворотницках,
Ишше тры года служил да я в придверничках,
Ишше тры года служил да я в приключничках.
Ишше есь у короля да всё две дочери:
А одна дочи — Настасья-королевнична;
Та — злая поленица, при(й)удалая:
Не училасе Настасьюшка не ткать, не преть,
Да училасе Настасьюшка луком стрелять,
Да училасе Настасьюшка конём владеть.
А да вторая доць — Опраксея-королевнична:
Та станом-де статна да полновозросна,
Походочка у ей — да всё павиная,
Тиха речь й-у ей — да лебединая.
Оци ясны-й у ей — как у ясново сокола,
Брови черны-й у ей — как у черново соболя,
Та стано[м]-де статна да полнавозросна!»
Говорыл-де Владимир стольно-киевский:
«Уж ты ой еси, Дунай да сын Иванович!
Ты бери-тко, Дунаюшко, силы-армии,
Ты бери-тко, Дунаюшко, золотой казны,
Ты бери-тко, Дунаюшко, зелена вина,
Ты бери-тко, Дунаюшко, красных девушек —
Поежжай к королю да ляховиньцскому,
Привези мне Опраксию-королевничну!»
Говорыл-де Дунай да сын Иванович:
«Уж ты ой еси, Владимир стольно-киевский!
Ишше силой мне, армией не воёватисе,
Золотою казной не откупатиса,
Зеленым мне вином не опиватиса,
А да со красныма девками да не забавлятиса!
Только дай мне-ка братёлка названово,
Да названого братёлка крестовово,
По имени Добрынюшку Микитица:

Поедём-де мы да во чисто полё
Ко тому-де королю да ляховицьцкому
А да за тою Опраксией-королевницей!»
Говорыл-де Владимир стольне-киевский:
«Уж ты ой еси, Добрынюшка Нит[к]итиц млад!
Поежжай-ко ты с Дунаюшком Ивановичом,
Поежжай-ко к королю да ляховицьцкому —
Вы везите мне Опраксию-королевничну!»
Да не много-де ребята да розговарывали,
Скакали ребятушка на добрых коней,
Отправлялися ребятушка во чисто полё.
Только видели посяську да молодецкую,
А не видели поезки богатырцкою;
Только видят: во чистом поли курева стоит,
Курева-де стоит, да дым столбом валит.
Ишше едут-де ребятушка по чисту полю,
Ишше едут-де ребята трои суточки,
Подъезжают к королю к ляховицьцкому.
Ишше едут не путём да не дорогою —
Церез те же церез стены да городовыя,
Церез круглыя башни наугольныя;
Подъезжают ко двору ко княженецкому,
Соскакивают ребята да со добрых коней.
Говорыл-де Дунай да сын Иванович:
«Уж ты ой еси, мой братёлко крестовый,
По имени Добрынюшка Никитиц млад!
Когда сабелька у меня да запошумливат,
А колецюшко у сабельки запобрякиват —
Ты бежи-тко-се тогда да на широкой двор,
Выручай меня с Опраксией-королевницей!»
Побежал-де Дунай да сын Иванович,
Побежал-де Дунаюшко ко красну крыльцю.
Не по-старому приехал, не по-прежнему:
У ворот он не спрашивал приворотничков,
Пробегал-де Дунаюшко по новым сеням —
У дверей ён не спрашивал прыдверьничков.
Забегал-де Дунаюшко во светлу грядню
Ко той же к Опраксеи-королевничны:
А да Опраксея сидела за красеньцями.

Ишше брал-де Дунаюшко за праву руку,
Да повёл-де Дунаюшко вон из горёнки.
Увидал королишшо да лях[о]виньскоё,
Начал в роги трубить да во цюлпаны бить.
А на то же дворишшо да на широкоё
Да сбежалосе пановьей-тотаровьей,
Да хватают-де Дунаюшка Ивановича.
Да выхватывал Дунайко да саблю вострую,
Начал бить-де, рубить да силу-армию;
Куда-де он махнёт — да и тут улица,
А назад-от махнёт — да пере(й)улочёк.
Тогда сабелька у Дунаюшка запошумливала,
А да колечушко-й у сабельки запобрякивало.
Услыхал-де Добрынюшка Никитиц млад,
Побежал-де Добрынюшка на широкой двор
Да навстречу Дунаюшку Ивановичу,
Да выхватывал Добрынюшка саблю вострую —
Начели бить-рубить да силу-й-армию,
Всю прибили-прирубили да силу-й-армию.
Говорыл королишшо да ляховиньцкоё:
«Уж ты ой еси, Дунайко со товаришшом!
Отпустите вы, ребятуш[к]а, ретивы сердца,
Вы оставьте мне тотарушок на семена!»
Отпустили-де ребята да ретивы сердца,
Пошли ребятушка со широка двора,
Увели-де-й Опраксию-королевьницьну,
Садили-де-й Опраксию на добра коня.
Да скакали-де ребятушка на добрых коней,
Поехали ребятушка во чисто полё.
А Настасьюшки дома да не случилось.
Как издалеча-далеченька, из чиста поля
Приежжаёт Настасья да королевничня —
Ишше тут королишшо да всё расплакалсэ,
А Настасьюшки своей да всё розжалилсэ:
«Приежжал-де Дунайко со товаришшом,
Не по-старому приехал да не по-прежнему:
Всю прибил-прирубил да силушку-й-армию
Да увёз-де Опраксию-королевничьну!»
А Настасьюшка много не розговариват —

Скакала-де Настасьюшка на добра коня,
Отправляласе Настасьюшка во сугон сзади,
А поехала Настасья да во чисто полё.
Да наехала Настасьюшка добрых молоццов.
Выхватыват Настасья да саблю вострую,
Да ударила Дунаюшку в буйну голову —
Как россекла у Дунаюшка стальной шишак.
Ише тут-де Дунай да сын Иванович
Ише передал Опраксию-королевьничну
Ко тому-де Добрынюшки Нит[к]итичу,
Да выхватывал Дунаюшко саблю вострую.
Рубилисе ёни да саблеми вострыма —
Ишше востры-ти сабли да исшорбалисе:
Некоторой некоторово не ранили,
К ретивым-де сердцам раны не придали.
Кололисе копьями долгомерныма —
По насадочкам копыа да извернулисе:
Некоторой некоторово не ранили,
К ретивым-де сердцам раны не придали.
А да билисе палками буёвыма —
В руковатоцьках палки да изломалисе:
Некоторой некоторово не ранили,
К ретивым-де сердцам раны не прыдали.
Тянулись через грывы лошадиныя:
Некоторой некоторово не вытянул.
Скакали-де ёни да со добрых коней,
А да схватилисе ёни да всё в охабочку.
Ишше водяцсе они да день до вечора:
Некоторой некоторово не бросили.
Говорыт-де Добрынюшка Никитиц млад:
«Уж ты ой еси, Дунай да сын Ивановичь!
Надо бить бабу по пелькам, пинать под жопу —
Ише та-де раночка — кровавая!»
Начал бить Дунай по пелькам, пинать под жопу —
Тогда тут-де Настасьюшка расплакалась
Да Дунаюшку тогда да прирозжалилась.
Помирилисе они да со Дунаюшком,
Да поехали они да в красён Киев-град
Играть-де ёни да чесну свадёбку

Ко тому-де ко князю да ко Владимиру.
Ишше едут-де ёни да по чисту полю,
Ишше едут-де — со Настасьёшкой забавляюцсэ,
Ишше едут-де — со Настасьей потешаюцсэ.
Говорыл-де Дунай да сын Иванович:
«Уж ты ой еси, Настасья-королевнисьня!
Когда будём мы во городи во Киеве
У того-де-й у князя да-й у Владимира
Да играть-столовать да чесну свадебку,
Ишше будём мы тогда да пьяны-весёлы,
Да тогда-де ты, Настасьёшка, не захвастайсе!..»
Приежжают во город-от во Киев-от
Ко тому-де ко князю да ко Владимиру —
Начели они пир да чесну сваёбку
У того-й у князя да-й у Владимира
Да со тою Опраксией-королевнисьней.
Ишше все на пиру да пьяны-весёлы,
Ишше все на сваёбки росхвастались:
А да богадой-от хвастат золотой казной,
А да сильной-от хвастат своей силою,
А да наезницёк хвастаёт добрым конём,
А ишше глуп-от хвастаёт молодой женой,
Неразумной-от хвастаёт родной сестрой,
Ишше умной-от хвастат старой маменькой.
А ишше тут же Настасьёшка захвасталась:
«Уж ты ой еси, Дунай да сын Ивановичь!
Когда жил ты у нас у батюшка родимово,
Мы стреляли ли с тобой во меточку во польскую
Да простреливали колецюшко золочёное, —
А ты-де, Дунаюшко, попадать не мог,
А я-де простреливала колецюш[к]о золочёное!»
За беду палось Дунаюш[к]у за великую,
За велику за досаду показалосе:
«Уж ты ой еси, Настасья да королевнисьня!
Мы поедём-де с тобой да во чисто полё,
Мы поедём-де с тобой да всё потешицсэ,
А своима-де луками да пострелятися!»
Отправлялисe оне да во чисто полё.
Говорыл-де Дунай да сын Иванович:

«Уж ты ой еси, Настасья да королевнисьня!
Я полóжу тебе-де золочон перстень,
Положу я тебе-де на твою главу;
Да прострелю я стрелоцьку калёную
Сквозь етот-де перстень золочоной!»
Говорыт-де Настасья да королевницья:
«Уж ты ой еси, Дунай да сын Иванович!
Как застрелишь ты меня, да красну девицу —
Ишше есь у мя в утробы да всё два отрока!»
А да стрелял-де Дунай да сын Иванович:
А первую стрелу стрелил — да он не дострелил,
А да вторую стрелу стрелил — да он перестрелил,
А да третью стрелу стрелил — да во Настасьюшку:
Как попало-де Настасьюш[к]и в ретиво серьцё,
Да застрелил-де Настасьюш[к]у всё он до смерти...
Вынимал-де Дунаюшко саблю вострую,
Да ростегивал Дунаюшко латушки кольцюжняя
365У той-де Настасьи да королевнисьны,
А распорол-де-й у Настасьи да груди белыя,
Посмотрел-де у Настасьи да ретиво серцо:
У Настасьюшки в утробы да всё два отрока.
За беду пало Дунаюшку за великую,
За велику за досаду да показалосе;
Пожалел-де Дунаюшко двух отроков,
Да двух сыновьей да ёму кровных.
Скакал-де Дунаюшко на добра коня,
А брал-де копьё да долгомерной,
Ише брал-де копьё да во праву руку,
Ише брал-де копьё да он вострым концом;
Да скакал-де Дунаюшко на востро копьё —
Заколоса Дунаюшко на востром копьё...
Ишше тут-де Дунаюшку славы поют.

(Зап. А. Д. Григорьевым 18 июля 1901 г.: д. Тёмшелье <Дорогорской вол.> — от Рычкова Степана Васильевича, ок. 50 лет.)

Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899—1901 гг. Т. 3: Мезень. СПб., 1910.